

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 2 / 2023, Vol. 14, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK223.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Напсо, М. Б. Индивид в пространстве информации: информационная безопасность, информационные права в реалиях цифровой эпохи / М. Б. Напсо // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK223.pdf>

For citation:

Napso M.B. An individual in the information space: information security, information rights in the realities of the digital age. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(2): 01SCSK223. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 316.7

ГРНТИ 04.51.35

Напсо Марьяна Бахсетовна

ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Черкесск, Россия
Профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин»
Доктор юридических наук, доцент
E-mail: napso.maryana@mail.ru

Индивид в пространстве информации: информационная безопасность, информационные права в реалиях цифровой эпохи

Аннотация. В статье рассматривается проблема реализации права индивида на достоверную информацию в условиях информационного общества эпохи цифровизации. Среди его отличительных черт названы не только технологическая трансформация, пребывание общества, индивида, государства в цифровом измерении, но и деградация достоверности, объективной точности. Информационные отношения приобрели всеобщий, глобальный характер, что актуализирует проблематику придания принципу достоверности информации универсального характера. Для подтверждения настоящей позиции автор последовательно рассматривает ее в различных аспектах: (1) в контексте философии постмодернизма и общества потребления; (2) с точки зрения обеспечения независимости, самостоятельности, безопасности индивида, общества, государства; (3) в целях реализации принципов свободы, автономности воли, конфиденциальности, социального доверия; (4) в силу использования информации как механизма воздействия на общественное и индивидуальное сознание; (5) через призму всей совокупности информационных прав индивида и права на доступ к Интернету; (6) с точки зрения наличия правовой базы реализации, институциональных гарантий, концептуальных, доктринальных основ; (7) с опорой на воззрения специалистов в области информационной безопасности. Определяя наиболее важные подходы в решении проблемы, автор считает плодотворным рассмотрение права индивида на достоверную информацию в контексте безопасности в целом и информационной безопасности в частности. Это продиктовано не только востребованностью социокультурных и правовых механизмов противодействия различным формам информационного воздействия. Как правовая категория информационная безопасность подразумевает обеспечение целостности, конфиденциальности, доступности, достоверности и аутентичности информации. Кроме того, в контексте безопасности решаются и проблемы личной информационной безопасности, защиты от технологий социального инжиниринга, использования механизмов когнитивных искажений с целью продвижения

информационных продуктов. Наибольшим ценностным потенциалом, по мнению автора, обладает правовой механизм «безопасности от информации». Автор отмечает широту возможностей этого механизма — от запрета на распространение информации определенного содержания до введения понятия благоприятной информационной среды как части категории благоприятной окружающей среды. Другим перспективным направлением автор считает развитие права на удаление, предполагающее право индивида требовать удаления недостоверной информации и корреспондирующую ему обязанность оперировать достоверной информацией.

Ключевые слова: цифровая эпоха; информационное общество; общество потребления; информационные права; право на информацию; право на забвение; информационная безопасность; безопасность от информации; принцип достоверности

Мир VUGA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity) с его непостоянством, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью подразумевает не только скорость изменений, растущее число факторов влияния, влекущие объективные сложности при анализе и прогнозировании, но и наличие множества смыслов. Объективность и достоверность оказываются под постоянным давлением двойных стандартов, видоизменения действительности, размытости трактовок, двусмысленности интерпретаций, неточности слов, значений. В современных условиях все сложнее обеспечивать объективную точность. А ведь социальное самочувствие повышается, «когда индивиды правильно воспринимают то, что объективно истинно» — «социальное благополучие усиливается, когда субъективные убеждения объективно точны» [1].

Информационное общество эпохи цифры — это все то же общество потребления, генерирующее и поглощающее все большие объемы информации. При этом ее рост, рост потребностей в сфере информации, их постоянное удовлетворение вовсе не означает последовательного продвижения ко всеобщему благу. Информационное потребление во всей полноте соответствует всем атрибутам общества потребления, столь убедительно представленного Ж. Бодрийяром. Позволим себе несколько перефразировать известного философа, используя его характеристики, но применительно к информационному обществу. Если «люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления», то в информационном обществе они окружены не столько людьми, объектами материального мира, событиями, явлениями, сколько все растущей информацией о них. Это «ненасытное требование ... быть там, не будучи там»: массовые коммуникации дают индивиду не действительность, они придают ей «головкружительную убедительность». Среда массовых коммуникаций — это место, «где ничего не происходит». В итоге индивид живет под «покровом знаков и в отказе от действительности», дистанцировавшись от нее, получает лишь «краткое вторжение действительности», намек на нее, ее образ. Такие формы вреда, как «посягательство на разум» сложно поддаются объективной характеристике, но они растут с той же скоростью, что и изобилие. «Очевидность излишка» информации как объекта производства и потребления проявляется в постоянном стремлении каждого и всех поведать обо всем увиденном, описать все прочувствованное, запечатлеть увиденное, пересказать услышанное, прокомментировать мнения и поступки других, отреагировать на реакцию других на собственные воззрения и действия и т. д. Вывод о том, что сущность общества потребления в расточительном расходовании и потреблении излишка, избытка абсолютно справедлив и для информационного общества, как и по утверждению о том, что это «издержки ни на что» становятся фактором ценностей, различий и смысла как в индивидуальном, так и в общественном плане». Потребление в избытке способствует утверждению ценностей, их превращению в «нечто существенное для человека»,

становится символом повышенного социального статуса, «ценностью престижа». Информационные продукты, как и культурные продукты, не имеют предела поглощения, эта система «питания бесконечна» еще и в силу того, что функционирует во взаимодействии со множеством других лиц. Информация приобрела характер стратегического ресурса, своего рода богатства, не в силу ее ценности как таковой, а именно благодаря исключительным возможностям по ее обмену, чего нет у других вещей: обмен информацией безграничен, и цикл обменов бесконечен. В системе производства и потребления информационных продуктов действует тот же закон, что и в современной экономике: инициатива и власть в сфере потребностей принадлежит не потребителю, а производителю. Именно он порождает и внедряет потребности, формируя спрос на них, «контролирует поведение на рынке, управляет социальными позициями и потребностями и моделирует их. Это ведет ... к тотальной диктатуре производственной системы». Более того, «истина заключается не в том, что «потребности являются плодом производства», а в том, что *система потребностей* составляет *продукт системы производства*). Потребности производятся не просто одна за другой при наличии объекта потребления, а «как *потребительская сила*, как глобальная наличность» — так «техноструктура увеличивает свою империю» [2]. В контексте воззрений Ж. Бодрийера смысл утверждения о том, что миром владеет тот, кто владеет информацией, в современных условиях становится намного фундаментальнее.

При всей важности для успешности общественного и индивидуального развития в мире цифры полноценной реализации информационных прав именно право индивида на объективную, достоверную информацию приобретает все более актуальный характер с точки зрения реализации его интересов в сфере независимости и безопасности. Их, равно как и само разнообразие независимых взглядов, суждений, позиций, следует поставить под сомнение в условиях действия таких факторов, как системный характер и мультипликативный эффект информационных потоков, наличие широчайших возможностей создания информационного продукта любого содержания и его передачи множеством источников неограниченному кругу лиц. Современные цифровые технологии массированного воздействия и информационного давления многократно убыстрили процесс формирования стереотипов, трендов, модных веяний и их смены. Сложно говорить о реальности свободы выбора (мировоззренческой, потребительской, поведенческой) еще и в силу многоликости недостоверной информации, которая возможностями цифровых технологий множится, вплетается в ткань информационного потока и оказывает влияние в той же мере, что и информация достоверная. Это актуализирует и проблему социального доверия, степень которого значительно снижается по мере все большего оборота искаженной информации на всех уровнях доверия: доверие человека к Интернету, к индивидам и организациям, с которыми лица контактируют посредством Интернета; доверие к информации, там размещаемой; доверие к агентам, контролирующим Интернет и устанавливающим правила для коммуникаций с его использованием.¹

Использование информации в целях оказания воздействия на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, на формирование интересов и потребностей, на процессы в социально-экономической и политико-идеологических сферах не является новостью, как и противоправное, ненадлежащее, недостойное поведение индивидов. В эпоху цифры проблема не столько в создании новых форм и механизмов воздействия, сколько в изменении качественных и количественных характеристик, придаваемом им эффекте, последствиях, проблематичности правового и иного регулирования, усугубленных неравенством цифровых возможностей, несоответствием между ускоренным научно-техническим прогрессом в сфере

¹ Права человека в сети Интернет: монография / М.С. Сальников, С.Э. Несмеянова, А.Н. Мочалов, Н.Е. Колобаева, К.А. Иванова. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. С. 52–53. 148 с. URL Электронный ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41882684>.

цифровых технологий и снижением общего интеллектуального уровня, уровня внутренней, нравственной, духовной культуры. Технологические возможности дистанционного мониторинга в различных сферах деятельности индивида, производства и движения информации, осуществления коммуникаций не имеют ограничений по кругу лиц, массовости аудитории, времени, месту, объему, доступности, скорости распространения, использования, сохранения и воспроизводства. И это многократно усиливает эффект от киберзлоупотреблений, злоупотреблений, тиражируемых Интернетом, от использования преимуществ собственной цифровой продвинутой во вред иным лицам или для утверждения собственных интересов с крайне индивидуалистических позиций. В силу этого факт неограниченный доступ лиц к новым технологиям и сосредоточение множества цифровых компетенций в руках отдельно взятых субъектов и вызывает закономерную озабоченность.

В таких условиях сами свобода, автономность, независимость, конфиденциальность, доверие имеют относительный характер. Век всеобщей компьютеризацией и массового доступа к информации привнес в современную лексику не только новые понятия: информационная война, информационное «зомбирование», внедрение идеологических конструктов, внушение чужой воли и точки зрения, но и реальность роста давления на психику индивида, воздействия на его личность, индивидуальность и процесс их формирования. При этом важно заметить, что это не есть проблемы технического характера — речь идет именно о целенаправленном действии субъективного фактора, использовании технологий для реализации интересов индивидов, групп, сообществ, государств. Возникает парадоксальная ситуация: цифровизация, призванная свести до минимума произвол субъективного фактора, обеспечив технические параметры свободы и безопасности информации и коммуникаций, множит угрозы безопасности индивида от использования иными лицами новых технологий против него самого, его прав, свобод, независимости, т. е. усиливает действие субъективного фактора. Это позволяет говорить о кибертехнологиях в том числе и как о механизмах, ограничивающих индивидуальный и коллективный суверенитет.

Следует признать, что на международном уровне наличествует общая озабоченность по поводу рисков технологий воздействия информации на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, негативного воздействия информации, нарушающей нормы общественной морали. Однако, кроме постановки самой проблематики, не выработаны единые подходы и механизмы противодействия, что более всего очевидно в контексте информационных прав человека. Так, в резолюции Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»², как в свое время и в резолюции Совета 32/13 от 01.07.2016 г.,³ главное внимание сосредоточено на обеспечении таких прав человека и прав различных категорий лиц (индивидов, женщин, детей), как: (1) право на свободный доступ к информации, (2) право на свободу выражения мнения, «которая применима независимо от границ и в рамках любых выбираемых человеком средств массовой информации», (3) право беспрепятственно придерживаться тех или иных взглядов, (4) право на неприкосновенность частной жизни, (5) право на свободу ассоциации. Основная проблема видится в расширении доступа к Интернету как «динамичной силе, генерирующей экономическое, социальное и культурное развитие» и решении проблем «многочисленных форм цифровых разрывов», пропаганды ненависти, обеспечения безопасности в Интернете, но «с помощью национальных

² Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: <https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution-human-rights-on-the-internet-ru.pdf> (дата обращения — 28.09.2022 г.).

³ Резолюция Совета ООН по правам человека 32/13 от 01.07.2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/57e9166b4.pdf> (дата обращения — 28.09.2022 г.).

демократических, транспарентных институтов, основанных на верховенстве права». В резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»⁴, хотя прямо и говорится о рисках недостоверности информации, но в контексте озабоченности по поводу практики установления ограничений в Интернете. В резолюции осуждаются блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информационных прав лиц в Интернете. В силу этого в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надёжным и безопасным».

Как видим, риски недостоверности информации, как и другие риски, пока не вызывают серьезных опасений. Хотя реалиями цифровой эпохи стали массовые фейки, публичная ложь, информационные войны, провокации, вбросы, приобретающие характер пандемий, поэтому получивших название инфодемий. Последние отличаются количественными показателями распространения информации. Именно организованный вброс большого объема недостоверной информации наиболее ярко выраженный из актуальных трендов. Среди основных факторов его развития не только наличие необходимых технических возможностей, индустрии отработанных и опробуемых технологий и практик, но и отсутствие эффективных механизмов противодействия. Они, во-первых, имеют догоняющий характер, во-вторых, должны иметь под собой правовое основание. Но именно догоняющий характер противодействия не позволяет обеспечить опережающее правовое регулирование. Нам представляется, что необходима постоянная и целенаправленная работа по определению трендов распространения информации, разновидностей ложной информации, общему и правовому закреплению их понятий, по разработке множественных социальных и правовых инструментов воздействия. Наличие основополагающей социально-правовой базы должно дополняться вариативностью, оперативностью, гибкостью общественного и правового реагирования, т.е. ему необходимо придать черты, свойственные самому информационному пространству, и противостоять в том числе возможностями самой цифровизации. «...Появление Интернета дали начало формированию новых прав, в том числе на информационное самоопределение, информационную безопасность, защиту персональных данных, конфиденциальность, свободу самовыражения в Сети и др. Однако юриспруденция ... хотя и пытается описать неосознанные новые онлайн-явления и достичь четкости правовых норм, явно не успевает за цифровыми инновациями... Цифровые технологии не только предоставляют новые возможности ..., но и обуславливают рост рисков нарушения этих прав и свобод и, соответственно, усиление государственного контроля в этой сфере и необходимость правового регулирования... Однако изменения в сети Интернет настолько стремительны и обладают всеобщим глобальным действием, что сегодняшние достижения в этой сфере становятся завтра уже «вчерашним днем». В связи с этим возникает проблема одновременного изучения данных процессов и прогнозирования тенденций их развития как на практическом, так и на теоретическом уровне. ...Заслуживает внимания предложение ученых принять Декларацию цифровых прав человека» [3].

В настоящее время приходится констатировать наличие отдельных правовых механизмов, регламентирующих содержательный контент на предмет его достоверности (за исключением состава баз данных), и отсутствие правовой основы функционирования баз данных и механизмов регулирования количественных показателей распространения

⁴ Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете URL. Электронный ресурс: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement> (дата обращения — 28.09.2022 г.).

информации, что важно при характеристике организованных массированных информационных потоков.

В свете событий на Украине и Донбассе, позиции РФ в этом вопросе и реакции коллективного Запада на нее становится очевидным непреходящее значение опыта СССР по сбору и фиксации информации и доказательств о преступлениях нацизма. Благодаря этому стал возможен процесс признания осады г. Ленинграда геноцидом против его мирного населения (и аналогичные процессы в других регионах РФ). Этот опыт используется с 2014 г. на Донбассе и особенно активно в период проведения специальной военной операции. Времена ревизионизма, реваншизма, обеления/очернения повторяются с завидной частотой, как и желание по прошествии времени с появлением нового поколения и в иных условиях пересмотреть историю. Несомненную важность имеет признание в качестве составов уголовных преступления «отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрения преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны», а также фактов «унижения чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны», в том числе с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, посредством искусственного создания доказательств обвинения.⁵ Однако заметим, что основой этого механизма защиты исторической памяти являются массивы зафиксированной достоверной информации. Ее отсутствие или пренебрежение признанными формами доказывания рождает истории и процессы в стиле «культуры отмены»: муссированию и рассмотрению подлежат заявления, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Они появляются как реакция на тот или иной тренд, способный склонить общественное мнение в определенную сторону.

В силу этого исходным началом регулирования общественных отношений в сфере создания, распространения, получения и использования информации должен быть последовательно реализуемый принцип достоверности информации. Российское законодательство довольно часто оперирует понятием достоверности. Положения ст. 24, 29, 42 Конституции РФ⁶ гарантируют право на информацию, ее свободу и доступность, при этом подразумевается именно достоверная информация, и право на честь, достоинство, деловую репутацию, обеспечивающее защиту в случае распространения недостоверной информации. Изначально категория достоверности разрабатывалась применительно к средствам массовой информации, рекламе и в контексте прав потребителей. Закон «О средствах массовой информации»⁷ не придает обязательного характера проверке журналистом достоверности сообщаемой ему информации (п. 8 ст. 47) — только сообщенной им информации (п. 2 ст. 49). Однако в ст. 4 распространение недостоверной информации не признается фактом злоупотребления свободой массовой информации, в силу чего отсутствует запрет на распространение такой информации, что абсолютно нелогично. Регламентируя отношения СМИ с гражданами и организациями, закон устанавливает следующие их права: (1) получать через СМИ «достоверные сведения о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц» (ст. 38);

⁵ Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. N 59-ФЗ "О внесении изменений в статью 354¹ Уголовного кодекса Российской Федерации" // Российская газета. 09.04.2021. URL. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2021/04/09/kodeks-dok.html> (дата обращения — 10.09.2022 г.).

⁶ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета от 25.12.1993 г. № 237.

⁷ Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 14.07.2022 г.) // Российская газета. 08.02.1992. № 32.

(2) «потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их честь и достоинство сведений» (ст. 43) и (3) опубликовать свой ответ, комментарий, реплику (ст. 46) в случае распространения сведений, не соответствующих действительности. Федеральный закон «О рекламе»⁸ дает определение недостоверной рекламы как содержащей не соответствующие действительности сведения по двадцати параметрам (п. 3 ст. 5) и устанавливает обязательные для любой рекламы требования добросовестности и достоверности, признавая иную рекламу недопустимой (п. 1 ст. 5). Федеральный закон «О защите прав потребителей»⁹ наделяет потребителей правом на достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце), реализуемых им товарах (работах, услугах) (ст. 8), устанавливая обязательное содержание этой информации (ст. 9, 10) и ответственность за непредоставление покупателю полной и достоверной информации (ст. 12). В начале 2000-х развитие принципа достоверности осуществлялось в законах, регламентирующих информационные отношения и реализацию информационных прав. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» утверждает достоверность в качестве одного из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации (п. 6 ст. 3), дает определение фейка и устанавливает — применительно к официальной информации, информации из государственных информационных систем — требование об обеспечении ее достоверности и актуальности. Однако понятие достоверности не раскрывается и не содержится прямого запрета на обращение недостоверной информации.¹⁰ В ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹¹ достоверность — тоже принцип (ст. 4) и основное требование при обеспечении доступа к такого рода информации (ст. 11), как и в ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».¹²

Категория достоверности неоднократно фигурирует и в нормативно-правовых и иных актах доктринального, концептуального и программного характера в области цифровизации, развития информационного общества и обеспечения информационной безопасности. Прежде чем говорить предметно, обратим внимание на факт того, как изменились подходы в оценке достоинств и рисков информационной эпохи. В 2013 г. Российской ассоциацией электронных коммуникаций был подготовлен проект Стратегии развития Интернета в РФ до 2020 г.¹³ В качестве цели провозглашалось создание благоприятных условий для динамичного развития сети Интернет «как основной среды для инновационной модернизации страны, увеличения объемов экономики знаний и повышения технологической и экономической конкурентоспособности России на международной арене». Государственную политику в этой области предлагалось основывать на принципах защиты свободы конкуренции, соблюдения права человека на распространение информации и права на доступ к информации, сетевой

⁸ Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. От 14.07.2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁹ Федеральный закон от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 14.07.2022 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992 г. № 15. Ст. 766.

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 14.07.2022 г.) // Российская газета. № 165. 29 июля 2006 г.

¹¹ Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 30.04.2021 г.) // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

¹² Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ от 29.12.2008 г. N 52 (часть I) ст. 6217.

¹³ Проект Стратегии развития Интернета в РФ до 2020 г. URL. Электронный ресурс: http://пунет2020.пф/data/is_st_rategy-of-the-internet-in-rf_2020.pdf (дата обращения — 10.10.2022 г.).

нейтралитет и др. В Стратегии развития отрасли информационных технологий (2013 г.) на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 г.¹⁴ основное внимание уделено важности развития информационных технологий для большинства отраслей, государственного управления, для коммуникаций, информации. Главный тезис заключался в том, что «с каждым годом информационные технологии открывают все более широкие перспективы для повышения эффективности бизнеса и качества жизни граждан» и «развитие отрасли необходимо для перехода к новому постиндустриальному технологическому укладу общества».

Все последующие документы основываются на более сдержанном подходе, учитывающем не только преимущества, но и риски. Так, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, рассчитанная на период с 2017 по 2030 год, заявляет в качестве главной цели создание условий для формирования в РФ общества на знания, которым именуется такое общество, «в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». В силу этого первым в числе приоритетов названо создание информационного пространства, соответствующего потребностям граждан и общества «в получении качественных и достоверных сведений».¹⁵ В Доктрине информационной безопасности указывается, что реализация предусмотренных ее национальных интересов в сфере информационной безопасности «направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры». Однако в само понятие информационной безопасности состояние защищенности индивида, общества от воздействия недостоверной информации не включено.¹⁶ Обновленной Стратегией национальной безопасности в качестве отдельного направления выделен новый национальный приоритет — информационная безопасность (ИБ) (ранее входившая в раздел «наука, технологии, образование»). Среди угроз национальной безопасности названо и распространение недостоверной информации. Для обеспечения ИБ Стратегией предусмотрено решение множества задач, первой из которых является «формирование безопасной среды оборота достоверной информации...», а также обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, информационное противоборство деструктивному информационному воздействию на граждан и общество, доведение до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике РФ. В числе национальных интересов названо «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия», которое имеет и недостоверная, искаженная информация.¹⁷ Однако все это не соотнобразуется с подходом, нашедшим отражение в базовом Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».¹⁸ Он не содержит общего определения безопасности, ее различных видов, в нем не нашли отражения современные угрозы и риски безопасности. В утратившем силу Законе РФ «О безопасности» 1992 г. (ст. 1)

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 г. № 2036-Р «Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 г.» // СЗ РФ от 18 ноября 2013 г. N 46 ст. 5954.

¹⁵ Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ от 15.05.2017 г. № 20. Ст. 2901.

¹⁶ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹⁷ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // СЗ от 05.07.2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

¹⁸ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. 09.11.2020 г.) // СЗ РФ от 3 января 2011 г. N 1 ст. 2.

она определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». При этом под жизненно важными интересами понималась «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства».¹⁹ Эти дефиниции до сих пор активно используются.

Среди специалистов подходы к определению информационной безопасности меняются в том числе сообразно актуальности тех или иных угроз. Так, в начале 2000-х годов в основном речь шла о защите от неправомерного получения и распространения различных видов защищаемой информации — не было «объективной необходимости обеспечить защиту буквально всей информации» [4]. Однако информационную безопасность понимали и расширительно как защищенность по отношению к опасным информационным воздействиям [5], а также включали в нее необходимость «противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей»²⁰. В наши дни большинство исследователей под информационной безопасностью понимают состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере при соблюдении ключевых принципов оборота информации — целостности данных, конфиденциальности, доступности. Белова И.В. справедливо считает, что информационная безопасность подразумевает поддержание не только целостности, конфиденциальности, доступности, но и аутентичности и достоверности информации или средств ее обработки [6]. Основными объектами защиты признаются, кроме интересов личности общества и государства, сама информация, информационные системы и информационные права и свободы [7]. А.Ф. Капустин особое внимание уделяет факту воздействия информации на личность и общество, а, значит, и систему управления. По его мнению, и с ним нельзя поспорить, в контексте информационной безопасности необходимо исходить из несомненного факта наличия у лиц, владеющих большими массивами информации, широких возможностей «деформировать механизмы коммуникации, дестабилизировать механизмы функционирования основных систем общества, лишить возможности реализации информационной составляющей личности. Поэтому на первый план в современном обществе выходит проблема информационной безопасности и безопасности информации, обеспечения ее целостности, достоверности и доступности» [8]. При этом под целостностью понимается и неизменность информации в процессе хранения или передачи, что также обеспечивает ее достоверность. Следует признать правомерной и постановку вопроса о личной информационной безопасности [9], но в ее широком смысле. И.П. Михнев указывает на опасность технологий социального инжиниринга — «управления действиями пользователя без помощи технических средств, манипулируя исключительно человеческими слабостями» [10], привязанностями, страхами и т. д. Мы бы в один ряд с этими технологиями поставили активное использование механизмов когнитивных искажений со свойственными им: (1) рамочным эффектом: как информация подается (с акцентом на что, в какой последовательности и т. д.), так она и воспринимается; (2) эффектом привязки: упомянутые в информации данные программируют характер ответной реакции; (3) эффектом ореола: формулирование скоропалительных выводов на основании недостаточного объема данных, зачастую не отражающих сути; (4) эффектом подталкивания: выработка единообразных подходов, предлагаемых в качестве общепринятых воззрений, разделяемых большинством. В большом ходу и учет так называемых «поколенческих особенностей». Считается, что для «поколения X»

¹⁹ Закон РФ от 05.03.1992 г. № 2446 «О безопасности» (утратил силу) // Российская газета от 6 мая 1992 г. N 103.

²⁰ Основы информационной безопасности. Учебное пособие для вузов / Е.Б. Белов, В.П. Лось, Р.В. Мещеряков, А.А. Шелупанов. — М. 2006. 544 с. URL. Электронный ресурс: https://www.studmed.ru/view/belov-eb-los-yp-i-dr-osnovy-informacionnoy-bezopasnosti_c7b203fe993.html (дата обращения — 13.10.2022 г.).

самый убедительный стимул — это деньги, а для «поколения Z» более важным является смысл, задача, цель, оно озабочено проблемами экологии, заинтересовано в совместной деятельности для достижения результата, ему нужны и важны эмоции, именно на них оно чутко реагирует.

Многогранность понятия информационной безопасности, множество угроз, в том числе в контексте достоверности информации, говорит не только об актуальности проблемы, но и необходимости выработки правовых механизмов защиты. Среди них называют и информационного омбудсмана, уполномоченного по СМИ и возрождение практики информационных судов, в том числе и третейских. При этом функции информационного омбудсмана понимаются гораздо шире, чем уже существующего омбудсмана по Интернету, призванного защищать права и бизнес предпринимателей в сфере Интернета и обеспечивать развитие Интернет-индустрии как отдельной значимой для экономики России отрасли.

Среди наиболее перспективных механизмов обеспечения информационной безопасности, в том числе и в части достоверности, следует назвать «безопасность от информации», последовательно реализованный ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».²¹ В последнее время, как это и было свойственно ранним исследованиям, о безопасности от информации говорится все больше в разных контекстах — от предотвращения распространения информации определенного содержания до создания благоприятной информационной среды как части понятия благоприятной окружающей среды. В названном законе информационная безопасность, понимаемая как безопасность от информации, раскрывается как «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию». Таким образом, категорию безопасности от информации можно определить как состояние защищенности индивида от информационного контента в силу его вредоносности. Подобному подходу, на наш взгляд, можно придать универсальный характер, говоря о защите интересов личности, общества и государства от вредоносной информации и введя категорию безопасной информации и ее критериев. Наличие развитого категориального аппарата важно для обеспечения правового регулирования, соответствующего реалиям и потенциальным рискам.

Другим перспективным направлением должно стать развитие права на удаление, именуемое правом быть забытым или правом на забвение. В РФ оно появилось с введением в 2015 г. в ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.3. Она закрепляет обязанность «оператора поисковой системы, распространяющей в сети Интернет рекламу, ... по требованию гражданина... прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет ..., позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя...».²² Это право распространяется и на информацию из баз данных, установленных законом, в частности, государственных информационных системах (ГИС). У лица есть право потребовать удаления недостоверной информации и связанное с этим право оспорить законность деяний государственного органа, допустившего внесение недостоверной информации или не обеспечившего ее актуальность. Таким образом, речь идет о праве на удаление недостоверной, неактуальной информации либо незаконно распространяемой. Но

²¹ Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ от 3 января 2011 г. N 1 ст. 48.

²² Федеральный закон от 13.07.2015 N 264-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации" // СЗ, 2015, N 1, ст. 84. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/.

дойдет ли право на забвение в своем развитии до полноценного права индивида по собственному усмотрению требовать удаления информации о себе, — вопрос времени.

Рассматриваемая нами проблематика достоверности, имеет к вопросам обеспечения информационной безопасности, безопасности от информации, самое прямое отношение. Более того, проблематика достоверности информации как объекта правового регулирования явно перезрела. Однако законодатель до сих пор не ввел единообразного определения достоверности и ее обязательных признаков. Кроме того, специалисты убеждены, что принцип достоверности имеет главным образом декларативный характер в силу отсутствия его законодательного закрепления и целостной системы механизмов его реализации — общественно-политических, социально-нравственных, правовых, информационно-технологических. Настоящая статья представляет собой одну из попыток подтвердить правомерность такой позиции, показав проблематику в масштабах использования недостоверной информации и в контексте применения и развития самих информационных технологий.

Подводя итог, заметим, как бы радикально не изменило информационное общество систему взаимоотношений, и здесь природа и причины богатства мало отличаются от тех, что действуют в обычном обществе: информация, не будучи материальной, тем не менее имеет сущность богатства, природа которого находит выражение и как ресурс, и как ценность, и как часть культуры. Существование в цифровом измерении привносит свои сложности и угрозы, но характер их проявлений в определенной степени находится в зависимости от культурных кодов. Уже серьезно говорят об их влиянии на экономическое развитие.²³ Трудно отрицать их влияние как адаптивного механизма, мировоззренческой основы, фундамента постоянства, стабильности в условиях меняющейся реальности. Скорости изменений, отсутствие границ и барьеров, безграничные возможности, многоголосица информационного контента, быстрая его смена, замена, подмена не дают индивиду возможности с легкостью ориентироваться в постоянно льющихся потоках информации, знать, быть уверенным и быть готовым их воспринять или отвергнуть. По этим же причинам правовые методы регулирования (а значит, и защиты со стороны государственных, правовых, общественных институтов) имеют ярко выраженный догоняющий характер. В таких условиях особое значение приобретают именно социокультурные факторы влияния как на макро-, так и на микроуровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов О.Л. Права человека в Интернете: переосмысление традиционной риторики, принципов и защиты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. № 3. 2020. URL Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-v-internete-pereosmyslenie-traditsionnoy-ritoriki-printsipov-i-zaschity>.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. — М.: АСТ. 2020. 384 с. — С. 5, 8, 23, 34, 42–43, 45, 87, 94, 102, 109–110.
3. Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности: Сборник научных трудов. 2018. С. 143–157. URL Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-cheloveka-v-internete>.

²³ Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. — М., 2022. 140 с.

4. Мазуров В.А., Невинский В.В. Понятие и принципы информационной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2003. URL. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-printsipy-informatsionnoy-bezopasnosti>.
5. Урсул А.Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 1996. № 1. С. 1–9.
6. Белова И.В. Формулировка понятия "информационная безопасность" в учебном курсе дисциплины "Основы информационной безопасности" // Психология, социология и педагогика. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2011/12/74>.
7. Сулейманова С.Т., Еникеев Т.А. Правовое регулирование компьютерной информации в РФ // Наука. Общество. Государство. 2019. URL. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kompyuternoy-informatsii-v-rossiyskoy-federatsii>.
8. Капустин Ф.А. Информационная безопасность и защита информации в современном обществе // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. № 12. Т. 2. С. 56–58. URL. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-i-zaschita-informatsii-v-sovremennom-obschestve>.
9. Грошева Е.К., Невмержицкий П.И. Информационная безопасность: современные реалии // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. URL. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-sovremennye-realii>.
10. Михнев И.П. Информационная безопасность на просторах мобильного Интернета // Образовательные ресурсы и технологии. 2015. URL. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-na-prostorah-mobilnogo-interneta>.

Napso Maryana Bakhsetovna
North-Caucasus State Academy, Cherkessk, Russia
E-mail: napso.maryana@mail.ru

An individual in the information space: information security, information rights in the realities of the digital age

Abstract. The article deals with the problem of the realization of the individual's right to reliable information in the conditions of the information society of the digitalization era. Among its distinctive features are not only technological transformation, the presence of society, the individual, the state in the digital dimension, but also the degradation of reliability, objective accuracy. Information relations have acquired a universal, global character, which actualizes the problem of making the principle of reliability of information universal. To confirm this position, the author consistently examines it in various aspects: (1) in the context of the philosophy of postmodernism and consumer society; (2) from the point of view of ensuring the independence, independence, security of the individual, society, state; (3) in order to implement the principles of freedom, autonomy of will, confidentiality, social trust; (4) due to the use of information as a mechanism of influence on public and individual consciousness; (5) through the prism of the totality of the individual's information rights and the right to access the Internet; (6) from the point of view of the existence of a legal framework for implementation, institutional guarantees, conceptual, doctrinal foundations; (7) based on the views of specialists in the field of information security. Identifying the most important approaches to solving the problem, the author considers it fruitful to consider the individual's right to reliable information in the context of security in general and information security in particular. This is dictated not only by the demand for socio-cultural and legal mechanisms to counter various forms of information influence. As a legal category, information security implies ensuring the integrity, confidentiality, accessibility, reliability and authenticity of information. In addition, in the context of security, the problems of personal information security, protection from social engineering technologies, and the use of cognitive distortion mechanisms to promote information products are also being solved. According to the author, the legal mechanism of "information security" has the greatest value potential. The author notes the breadth of possibilities of this mechanism — from a ban on the dissemination of information of a certain content to the introduction of the concept of a favorable information environment as part of the category of a favorable environment. The author considers the development of the right to deletion to be another promising direction, which presupposes the right of an individual to demand the removal of unreliable information and the corresponding obligation to operate with reliable information.

Keywords: digital age; information society; consumer society; information rights; right to information; the right to oblivion; information security; security from information; the principle of reliability of information; information impact; self-regulation